МОСГОРСПРАВКА
ОТДЕЛ ГАЗЕТНЫХ ВЫРЕЗОК
103009, ул. Горького д. 5/6 Телефон 203-81-43

Вырезка из газеты
ЛЕНИНГРАДСКАЯ ПРАВДА
г. Ленинград
1 МАЙ 1988

У нас на гастролях

Вечера с московским «Эрмитажем»

ТЕАТР «Эрмитаж», приехавший к нам на гастроли, думаю, неспроста назвал себя «Эрмитажем», формально позаимствовав наименование у московского сада, где этот театр расположился. «Эрмитаж» — слово вольное: то ли «загородный дом», то ли «парковый павильон», то ли «залы с художественными коллекциями». Так или иначе — нечто, располагающее к отдыху, эстетическому удовольствию, нечто, находящееся вдали от центральных магистралей, вне производственных стрессов. Нечто, позволяющее себе удалиться в сферы художественного коллекционирования. Здесь могут позволить себе пополнить коллекцию черновиками Ю. Олеши «Нищий, или Смерть Занда» или экзотической миниатюрой «Путешествие Вениамина Третьего в Святую Землю» М. Мойхер-Сформа, а рядом поместить «Скверный анекдот» Ф. М. Достоевского. Здесь — в угоду эстетическому разнообразию — «Маленький гигант большого секса» Ф. Искандера соседствует с коротким спектаклем под каноничным названием «Галич».

Репертуарная коллекция скоро пополнится, как говорят, премьерами по А. Чернинскому, Б. Пастернаку, И. Эренбургу — словом, критерий литературного вкуса редко изменяет собирателям из «Эрмитажа». А вот что за названиями?

Ссылаясь на Гете, один из героев центрального спектакля гастролей «Нищий, или Смерть Занда» предупреждает: кто думает — тот несчастен... Полагаю, главный режиссер театра «Эрмитаж» М. Левитин должен быть несчастным человеком, ибо создается впечатление, что он думает. Думает о репертуаре, об оригинальности лица своего театра, о необычном, парадоксальном, эксцентрическом способе актерской жизни на сцене. Думает о том, чтобы зрителям не было скучно.

Но, исходя из этой же посылки Гете—Олеши, я поделила бы зрителей театра «Эрмитаж» на счастливых и несчастных, ибо четыре спектакля, увиденные мною на гастролях, четко делятся на те, где думать надо, и те, где можно не думать.

В спектакль «Нищий, или Смерть Занда» всматриваться и вдумываться надо долго, он занимателен, необычен и не сразу позволяет понять себя. Человек филологически одаренный (тому свидетельство — его проза), М. Левитин проделал огромную исследовательскую работу, скомпоновав многочисленные черновики неоконченной пьесы Ю. Олеши в сценическое целое.

Парадоксальность спектакля в том, что главный герой «Смерти Занда», своеобразный внесценический. Это сам Ю. Олеша, мучительно пытающийся выстроить драматическую логику, гасующий герое. Олеша, который мечется, воплощая одну важную и постоянную для многих его произведений мысль: человек сложен, даже если это советский человек, неизведанные залы подсознания таят опасности для советского образа жизни, никогда не известно, куда заведет человека его природа, в какой заговор вступят чувства.

Его, Олеши, собственная непредсказуемость, письма театру, варианты сюжетных ходов, муки невоплощенности замысла — вот главное, наиболее глубокое и драматическое доказательство непознаваемости и непрограммируемости человека.

Мир спектакля — это мир невоплощенных героев Олеши. Может быть, поэтому они лишены плоти, напоминают полые формы, в которых Олеша пытается увидеть движение чувств, в которые он вглядывается, как вглядывался в движение фигурок, рожденных его фантазией, писатель Максудов в булгаковском «Театральном романе». Этот субъективный мир Олеши оживает в стилизованных формах театра с фотографий 20-х годов, под влохновенно-экспрессивную музыку А. Шнитке. Гиперреалистическая декорация Д. Боровского, изображающая комнату, обрывается условно-театральной фанерной стеной. На этом переходе — загадка Олеши, когда реалистическое исследование глубин человеческого познания прерывается и дробится чисто условной театральной фантазией. «Смерть Занда» — спектакль, где герои живут в алогичном мире авторской прихоти, не подчиняясь сюжетообразующим законам, — серьезное и замысловатое произведение о сути и форме жизни человека.

Сущность и форма намеренно разделены в другом спектакле Левитина — «Скверный анекдот» Героя Достоевского — действительный статский советник Пралинский, воодушевленный очередной российской оттепелью, когда возрождающееся Отечество начинает дышать полной грудью, — попадает на свадьбу своего подчиненного, чиновника Пселлонимова. Демократ и гуманист Пралинский, захлебывающийся от собственных речей, желающий полюбить ближнего и ненавидящий его, — напивается в стельку. Вот, собственно, и весь анекдот-с... Не выходит ничего из демократических посулов и гуманистических посылов, только и всего-с... Жанру анекдота (вполне политического анекдота) принесена в жертву психологическая сложность героя Достоевского, но спектакль сделан азартно и насмешливо. Метет вьюга, мечется по сцене угарная свадьба — российская свадьба всех времен: то поют увертюру к «Руслану и Людмиле», то танцуют под какофонию современных шлягеров. Тонет, вязнет в неуправляемом потоке отечественного хаоса прогрессист Пралинский, жизнь уводит его от прекраснодушных намерений и мнений, закруживает вихрем — и нет уже надежд на возрождающееся Отечество...

Так вот, о сущности и форме. Пралинский, сыгранный В. Гвоздицким, — это как бы внешняя оболочка героя, рядом с которым живет его двойник, его скрытое второе «я» (Е. Герчаков). Разделение не слишком тонкое (прекрасный актер В. Гвоздицкий оказывается «обезоружен», у образа отнята двойственная суть, столь важная для Достоевского), но оно характерно для театра Левитина. Режиссер строит свой театральный мир не из объемов, а из плоскостей, он занят не игрой смыслов, а эксцентрическим движением форм, коллажность как принцип формирования афиши существует в единстве с коллажностью как эстетическим принципом спектаклей Левитина. Так устроено его театральное зрение, этим отличается он от других режиссеров.

Когда на спектаклях не приходится думать, то что, собственно, напишешь о них? Прекрасно поют актеры «Эрмитажа» еврейскую музыку в спектакле «Путешествие Вениамина Третьего...» (режиссер Н. Шейко). Изящно, со вкусом сделанный спектакль — стилизованный еврейский лубок — не балует, впрочем, содержанием. История о том, как жители села Тунеядовки Вениамин (Е. Герчаков) и Сендерл (А. Пожарова) отправились в Святую Землю, рассказана с юмором и тактом, но извлечь из нее какой-либо смысл почти невозможно. Просто замечательно поют — и все!

А вот спектакль М. Левитина «Галич» стал, по-моему, принципиальной неудачей. А. Галич, стихи которого составляют весь литературный текст спектакля, представлен в нем однобоко: как некий поэт-жанровик, колоритно изображавший социально-бытовые типы покоренной страны. Трое актеров (А. Хоанинский, Д. Белоусова и А. Сысоев) живописно имитируют повадки сосланных, спившихся, несчастных и преступных героев поэта, но сам поэт (вот парадокс, если вспомнить спектакль по Олеше!) отсутствует, его лирическое «я» спряталось, видимо, за нагромождениями винных ящиков, заполнивших сцену.

«Эрмитаж» — театр, ничего не навязывающий, он разговаривает с залом непринужденно, не стараясь понравить собеседника какой-то явной тенденцией, не пытается навязать себя и свои убеждения. Он тактичен, как человек с хорошим вкусом. Не станем нарушать его манеру общения, минуем общие оценки, не будем утруждать себя формулами о результатах гастролей. «Эрмитаж» и Ленинград очередной раз встретились, пообщались, получили, хотелось верить, друг от друга столько, сколько каждый мог дать другому.

М. ДМИТРЕВСКАЯ,
кандидат искусствоведения